
Е. Ринская
По следам старой охоты
МУЗЕЙ

Сыщица из Неприновки

Евгения Ринская

По следам старой охоты

«Автор»
2026

Ринская Е.

По следам старой охоты / Е. Ринская — «Автор», 2026 — (Сыщица из Неприновки)

Что может быть скромнее и тише провинциального музея? Но преступления и тайны настигают Римму Борисовну, скромного искусствоведа на пенсии, и здесь. Пока она пытается разобраться с загадочно исчезнувшими еще в советские годы экспонатами из местной усадьбы, в хранилище музея трагически погибает пожилая хранительница. И Римма Борисовна никак не может отделаться от ощущения, что произошедшее вовсе не было случайностью... Продолжение серии про сыщицу из Неприновки. Читайте также: Тени Дома с башенкой

© Ринская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Глава 1 Сокровища старого музея 6
Глава 2 Неожиданный конкурент 10
Глава 3 Медаль общества собаководов 15
Глава 4 Привет из прошлого 20
Глава 5 Предвыборная кампания 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

По следам старой охоты

Глава

Глава 1 Сокровища старого музея

Обстановка в кабинете директора была спартанская — старый казенный стол, заваленный бумагами, тусклая лампочка, свет которой едва просматривался под слоем пыли, и теснящиеся вдоль стен разномастные шкафы, шкафчики и комоды. Римма Борисовна вздохнула, поерзав на неудобном скрипучем стуле.

Вообще-то по должности она была просто старшим научным сотрудником, но коль скоро она также оставалась здесь единственным работником, она решила, что никто не будет против, если она временно займет кабинет и заодно наведет, наконец, в нем порядок.

Ладно, если быть совсем откровенными, с некоторых пор в музее появилась и еще одна сотрудница — старенькая Анна Павловна, которая приходила пару раз в неделю, исполняя обязанности младшего хранителя. Прибиралась в хранилище, протирала экспонаты. Кстати, вспомнила Римма Борисовна, старушка давно просила ее провести инвентаризацию хозблока — жаловалась, что от старых банок и склянок, копившихся еще с советских времен, ей в подсобке некуда деваться. К тому же от пыли у нее разыгрывалась астма. Римме Борисовне очень не хотелось ее обижать, но погружаться в эти дебри она пока была не готова. Лучше уж кабинетная работа.

Пожилая дама, рефлекторно поправив элегантную седую стрижку, с тоской оглядела скромное помещение. Не к такому она готовилась — вообще-то, по просьбе почившего мужа, она приобрела старый деревянный особняк в соседней Неприновке и планировала заняться его восстановлением. Да, учитывая состояние здания, труд был тяжкий, зато в окружении предметов старины и элегантных, пусть и увядших, интерьеров — что может быть ближе сердцу настоящего искусствоведа? Однако череда последовавших не самых приятных событий (подробнее об этом читайте в книге «Тени Дома с башенкой») привела к тому, что вверенный ей Дом с башенкой пострадал от сильного пожара и нуждался теперь в строительных работах, с которыми, увы, она помочь могла только финансово. Сама же она оказалась единственным человеком, ответственным за местный краеведческий музей.

Римма Борисовна вздохнула и решительно придвинула к себе кучу старых папок — что ж, за свои поступки надо отвечать, а уж работы она никогда не боялась. Большая часть коллекции, как и следовало ожидать, была посвящена фабриканту Мерцалову, личности в высшей степени яркой, и местным помещикам, Синицыным.

О них, положа руку на сердце, Римма Борисовна до сих пор знала мало что. Архитектурное наследие Мерцалова — изящная дача в стиле модерн, — волею судеб попала в ее собственность, и Римма Борисовна решительно была настроена ее спасти. Усадьбе Синицыных, даром, что каменной, повезло меньше. После революции она сиротливо слонялась из рук в руки, пока не осталась погибать в полном запустении. Оставшиеся от здания руины, как слышала пожилая дама, до сих пор можно было найти в лесу на побережье, километрах в 10-15 от Неприновки. Правда, за ворохом забот, она пока так туда и не доехала. Говорят, богатый фабрикант Мерцалов, выходец из местных крестьян, собирался даже жениться на дочери Синицыных, Вере, и строил планы по преобразованию увядающей усадьбы. Но грянула Первая мировая война и свадьба по каким-то причинам расстроилась. Несостоявшийся жених уехал в город, а потом пришла революция и всех их — и Синицыных, и Мерцаловых, — смыло волной нового миропорядка. Остались только руины старой усадьбы, да доживающий свой век деревянный особняк.

Вспомнив об обстоятельствах его покупки, женщина нахмурилась. Дело в том, что ее первая попытка заняться восстановлением особняка пролила свет на некоторые неизвестные до той поры грани личности ее покойного мужа, известного писателя Адриана Валентиновича Романовского. И, прямо скажем, эти открытия оказались пожилой даме неприятны. Шутка ли:

целая россыпь дореволюционных серебряных монет вдруг обнаружилась в схроне, который, видимо, устроил ее будущий супруг — тогда простой сельский учитель, — в особняке. Удивительным образом, следы этих монет вели в коллекцию провинциального музея, в который молодой Адриан Валентинович был вхож на правах местного интеллектуала. И Римма Борисовна поняла, что ей просто жизненно необходимо выяснить, как же это вышло.

Поэтому первым делом она решила взяться за описи музейных экспонатов, касающиеся дореволюционного периода. Едва она глянула на пожелтевшие страницы, как брови ее поползли вверх: даже удивительно было, что ни один из крупных музеев не позарился на эти сокровища, и коллекция так и осталась прозябать в скромном каменном особнячке. Впрочем, Римма Борисовна знала, что такое случалось часто — в революцию предметы искусства перемещались, терялись, изымались из усадеб — часто людьми, неспособными оценить их истинную ценность, — и оседали в ближайших доступных хранилищах. Ну, или в чьих-то карманах. Так что недооценивать коллекции небольших музеев не стоит точно.

И тем не менее, она с неподдельным изумлением просматривала описи — среди изъятых в особняке предметов была и серебряная посуда, и изысканные украшения, и полотна художников, старинные гравюры (в основном, с изображением собак), пара чучел — волка и медведя (одно из них Римма Борисовна видела — оно украшало у них зал местной природы, где хранилось второе, боялась даже думать), но главное — огромная коллекция книг и то, что в описях было отмечено как «нумизм.ценности». Видать, не таким уж захудалым был род местных помещиков.

Римма Борисовна отложила бумаги, взялась за телефон и полезла в интернет — она решила, что пришло время узнать о них чуть больше. В этот момент где-то в глубине музея хлопнула входная дверь и раздался звонкий голос.

— Эй! Есть тут кто-нибудь?

Пожилая дама подняла голову и замерла, сжимая в руках телефон. Этот голос она точно знала. Не может быть!

— Смелее, моя милая, она точно где-то здесь, других дел у нее точно нет! — Римма Борисовна покачала головой. И этот командный голос она тоже знала очень хорошо.

Она поднялась и заторопилась к выходу, забыв про музейные сокровища. Но едва она протиснулась к двери между старыми шкафами, дверь распахнулась.

— Мама!

На пороге стояли двое — первой была молодая женщина в кожаной куртке и неимоверно широких джинсах. Она радостно раскрыла руки навстречу Римме Борисовне. В одной, конечно, был зажат смартфон.

— Лиза! — Римма Борисовна кинулась к ней, стиснув дочь в объятиях. — Ты не сказала, что ты приедешь!

— Я решила сделать дорогой маме сюрприз, и приехала навестить ее в уединении, — жизнерадостно проговорила дочь. — Посмотрим, как она тут устроилась, и как выглядит жизнь за МКАДом.

— Это отличная идея, — проговорила Римма Борисовна, обняв ее покрепче. — Как я рада тебя видеть!

— Так что следите за моими приключениями и не переключайтесь, дорогие подписчики, — отчетливо проговорила дочь, и Римма Борисовна, обернувшись через плечо, увидела, как та смотрит в камеру поднятого над ними телефона.

Дама вздохнула, ослабила объятия и посмотрела на стоявшую прямо за дочерью статную даму с высокой старомодной прической.

— Ну, принимай, мать, что вырастила, — ворчливо проговорила та.

Римма Борисовна улыбнулась. За почти год жизни в Неприновке она успела достаточно узнать Марью Власьевну, чтобы понимать, что за резкой и иногда надменной манерой обра-

щения скрывается доброе и щедрое сердце. А командирский тон и привычка всем руководить — что ж, это неизбежное следствие ее прошлого и настоящего. Не зря же Марья Власьевна провела всю молодость в должности чиновничьей жены, а выйдя вместе с мужем — бывшим городским главой — на пенсию, немедленно возглавила местное садовое товарищество. Зато она была способна найти решение для любого сложного вопроса.

Так что Римма Борисовна просто кивнула подруге, и взяла за руку дочь, которая тем временем с интересом оглядывалась вокруг — не отпуская, впрочем, телефон.

— Как ты? Надолго ли?

Лиза пожала плечами.

— Пока не знаю. Надо же сначала понять, чем родная мать живет.

Марья Власьевна закатила глаза, понимая, что Лиза допустила критическую оплошность. Только этого Римма Борисовна и ждала. Она с готовностью потянула дочь за руку.

— Ну конечно! Пойдем скорее, я покажу тебе наш музей. В Дом с башенкой, к сожалению, пока не попасть, зато в музее мы полноправные хозяева.

Она заспешила из кабинета, увлекая за собой Лизу. Марья Власьевна благоразумно осталась на месте и, убедившись, что Римма Борисовна про нее не вспомнила, бережно опустилась на жалобно поскрипывающий от старости, обитый дерматином стул.

Даже хорошо зная свою мать, Лиза, кажется, растерялась от ее напора. Профессиональный искусствовед, поработавшая в крупнейших столичных музеях, Римма Борисовна мчалась по залам, пытаясь уместить в короткую экскурсию все, что ей удалось узнать о Неприновке и окрестностях.

Лиза, лавируя между стендами и чуть не врезавшись в того самого медведя, старалась поспевать за ней, но все сильнее отставала. Наконец, Римма Борисовна достигла секции, посвященной дореволюционной жизни района, и остановилась перед стеклянной витриной.

— А тут у нас собраны предметы быта горожан XIX века. Только посмотри, какая великолепная коллекция вееров и фарфора. Говорят, его привозил управляющий фабрики Кузнецова по личному заказу местных помещиков. Вообще, должна сказать, люди здесь жили прекрасно…

— Ого! — Лиза внезапно остановилась, уставившись в угол витрины. — Смотри, какая милая фигурка! Почти как у нас дома была.

Римма Борисовна бросила взгляд в ту сторону — в уголке скромно притулилась изящная статуэтка, изображающая пастушку. Она протягивала руки в пустоту, словно наклоняясь к невидимому другу. Вещица, конечно, симпатичная, но, по мнению Риммы Борисовны, слишком очевидная для того, чтобы обращать на нее много внимание. Куда интереснее, раз уж на то пошло, развешанные по стенам фестончатые веера из дорого кружева.

Впрочем, она действительно помнила маленького пастушка с флейтой, который украшал румынскую стенку в их первой большой квартире, приобретенной на волне зарождающегося успеха Адриана Валентиновича. Думать о нем ей не хотелось, и она просто пожала плечами.

— Да, скорее всего, они были парными, так что неудивительно. Но подожди, сейчас я покажу тебе реальные архивные снимки Дома с башенкой! — и она потянула дочь в сторону, туда, где на стене висел выцветший черно-белый снимок.

Когда экскурсия была окончена, они вместе с дочерью вернулись в кабинет директора, где все это время их ожидала Марья Власьевна. От той не укрылось видимое облегчение на лице Лизы, и она с пониманием усмехнулась.

— Да, Римма, умеешь ты заразить любовью к истории. Хотя Лизе, наверное, не привыкать.

Лиза только отмахнулась — дочь музейного работника, она привыкла к восторженным экскурсиям. Римма Борисовна их переглядок не заметила. Ее все еще захлестывало волнение от возможности поделиться с кем-то всеми обретенными сведениями.

— Ты подожди, Лиза, сейчас еще покажу тебе наше хранилище…

Но Марья Власьевна решительно поднялась со стула.

— Ну, хватит ребенка мучать! Давай, вешай замок на свой амбар, все равно вечером во вторник никакие туристы к тебе не придут. Поедем ко мне — чаи пить и кампанию обсуждать.

Взгляд Лизы, порядком утомленной обрушившимся на нее потоком информации, просветлел — она с надеждой посмотрела на подругу матери.

— Какую кампанию? — оторопела Римма Борисовна.

Марья Власьевна всплеснула руками.

— Вот еще, забыла! Октябрь — выборы председателя на носу.

— Так осень же, все разъехались, — робко возразила Римма Борисовна.

— Ну и правильно, — уверенно кивнула головой Марья Власьевна. — Еще не хватало нам всех подряд слушать. Сейчас все лишние уедут, и мы спокойно, безо всякой вашей демократии, проведем выборы и продолжим работать. Но кампания — это святое.

Римма Борисовна глянула на часы — конечно, в словах подруги была правда. Осенним вечером в будний день вряд ли кто придет в музей. А дочь все-таки проделала неблизкий путь — у нее у самой дома было, как обычно, шаром покати, она предпочитала пищу духовную. Так что воспользоваться предложением Марьи Власьевны, конечно, стоило.

— Но мне нужно дождаться Анну Павловну, — растерянно сказала Римма Борисовна.

Пытаясь поддерживать в музее видимость порядка, они с Анной Павловной старались придерживаться своеобразного ритуала — старушка днем работала на почте, так что сюда приходила вечерами, и в эти дни Римма Борисовна старалась ее дождаться, чтобы перекинуться парой слов и рассказать о делах музейных.

— У нее что, ключей нет? — насупилась Марья Власьевна. — Мы можем завезти.

Римма Борисовна колебалась. Ритуал, конечно, это важно. Но, с другой стороны, сегодня точно не совсем обычный день. Поколебавшись еще несколько мгновений, она решительно встала и потянулась за пальто.

— Вот и хорошо, — подытожила Марья Власьевна. — А Лизонька нас отвезет, да, дружочек?

Лиза, перед которой замаячила перспектива смены обстановки, энергично закивала.

Все вместе они вышли на тихую провинциальную улочку. И уперлись в большой красный внедорожник, припаркованный у самого музея. Едва Лиза появилась из дверей музея, машина приветственно пиликнула. Римма Борисовна уставилась на дочь.

— Лиза, ты что, новую машину купила? Она же дорогая!

Лиза легкомысленно уселась на переднее сидение и махнула рукой.

— Зато красивая, мам, не переживай!

Уже разворачивая машину, Лиза с интересом выглянула из окна.

— Ого! Богато живете.

Римма Борисовна проследила за ее взглядом — дочь смотрела на нарядные барельефы, тянувшиеся вдоль входа в музей: и здесь охота. В полусбитой лепнине угадывались почти призрачные силуэты диких зверей и преследовавших их гончих, перемежавшиеся ритмическим узором из ружей и лавровых венков.

— Вроде не жалуемся, — самодовольно ответила за нее Марья Власьевна.

Глава 2 Неожиданный конкурент

Хотя на дворе стояло начало октября, погода была необычно теплая. Зеленые кусты в пышном саду Марьи Власьевны и не думали желтеть, так что хозяйка предложила всем разместиться в любимой беседке. Тем более, там их уже ждал верный спутник и сосед по Неприновке — Сергей Петрович. Его крупную фигуру, солидно водруженную на изящный садовый стул, легко было узнать еще от калитки.

Правда, судя по краткому приветствию, сегодня он был не в духе. Причина этого быстро объяснилась — едва дамы расселись, дверь дома хлопнула и из нее появился благоухающий дорогим парфюмом Андрей Михайлович. Ухоженный мужчина лет 60 с буйной, пусть и слегка поседевшей шевелюрой, вырос в этих местах, а теперь владел расположенной поблизости дорогой гостиницей «Усадьба Оболенских». В Неприновке он появлялся нечасто, поэтому Римма Борисовна посмотрела на него с удивлением. А вот Андрей Михайлович словно только ее и ждал — едва увидев пожилую даму, он уверенно шагнул к ней с распростертыми объятиями.

— Ну вот, только удалишься в уборную, как все пропустишь! Риммочка, дорогая, счастлив вас видеть!

Сергей Петрович недовольно крякнул и заскрипел стулом. Римма Борисовна злорадно улыбнулась и учтиво подставила Андрею Михайловичу щеку для поцелуя.

Романтические настроения Сергея Петровича для нее секретом не были, но с момента ее перехода в музей он к ней почти не заходил, а вот эффектный отельер регулярно наведывался к ней по месту службы и интересовался ходом работ в Доме с башенкой. Так что пусть Сергей Петрович негодует, поделом ему.

Кокетливо поправив прическу, Римма Борисовна указала мужчинам на Лизу.

— Познакомьтесь, это моя дочь Лиза, приехала навестить старушку-мать. Лиза, это мой друг, Андрей Михайлович — владелец нашей местной гостиницы.

Андрей Михайлович не стал терять времени — кинулся к Елизавете и сделал вид, что приник губами к ее руке.

— Не буду говорить, что вы похожи на двух сестер, но, безусловно, вы взяли лучшее от своей замечательной матери, — привыкшая к светским беседам Лиза рассмеялась, но руку на всякий случай убрала подальше.

— Это мой сосед, Сергей Петрович, — продолжила Римма Борисовна. — Он очень помог нам во время… — она замешкалась, подбирая слово — в конце концов, дочь не была в курсе всех ее летних приключений в Неприновке, — летом.

Сергей Петрович не стал шутействовать — не позволяли ни характер, ни комплекция, ни его извечная неприязнь к Андрею Михайловичу. Он сдержанно кивнул.

— Очень приятно, Лизавета.

Лиза, которая, Римма Борисовна знала, с детства ненавидела это обращение, вздрогнула.

— Ну, а с Марьей Власьевной ты, конечно же, знакома, — поспешила завершить раунд приветствий Римма Борисовна.

Марья Власьевна с достоинством кивнула.

— Кстати, как вы встретились? — заинтересовалась Римма Борисовна.

— Дочь твоя мне с вокзала позвонила, — пожала плечами Марья Власьевна. — Хотела сюрприз тебе сделать. Но теперь давайте перейдем к делу. У нас на носу выборы, как-никак.

Сергей Петрович недоуменно засопел.

— Какие ж это выборы, Марья Власьевна? Кто ж кроме тебя на это пойдет?

— Ну, — Марья Власьевна кокетливо улыбнулась. — Всегда надо быть настороже.

Стоявший у стола все это время Андрей Михайлович вдруг откашлялся.

— Собственно, именно так. Я почему и приехал — был сегодня в администрации, согласовывали в отеле перепланировку. Так вот говорят, у вас еще один кандидат будет, кто-то из местных.

За столом повисла немая сцена.

— Кто? — тяжело проговорила Марья Власьевна и прямо сейчас Римма Борисовна очень надеялась, что Андрей Михайлович не знает имени, потому что за свою подругу и безопасность несчастного она не ручалась.

— Я не совсем понял, — покаялся Андрей Михайлович. — Секретарша обсуждала это с замом, и вмешаться было не совсем уместно. Но кажется, этот человек с Березовой улицы.

Брови Марьи Власьевны сошлись на переносице — она мысленно осматривала свои владения, пытаясь выявить предателя. Римма Борисовна тревожно переглянулась с Сергеем Петровичем.

— Да быть не может, — наконец сказала она. — Андрей Михайлович, может быть, вы что-то перепутали?

— Исключено, — галантно поклонился тот. — Они говорили весьма четко. Я так понимаю, этот человек уже обсуждал потенциальные проблемы с администрацией. Кажется, речь шла об установке шлагбаумов.

Брови Марьи Власьевны возмущенно взметнулись вверх. Что ж, поняла Римма Борисовна, кровопролития было не избежать.

— Шлаг-баумов? — прорычала ее подруга. — Может, нам и КПП сделать? Они что, хотят нас всех в какой-то зверинец превратить? Пока я жива, не бывать этому.

Марья Власьевна рубанула ладонью воздух и решительно поднялась. Правда, кажется, только после этого она поняла, что не продумала, что делать дальше. Повисла тревожная пауза. Но Марья Власьевна была не из того теста, чтобы колебаться слишком долго.

— Вы, — ее палец властно указал в сторону Андрея Михайловича. — Будете еще приезжать в администрацию.

Тот с готовностью кивнул.

— Постарайтесь узнать, что сможете, — отрезала хозяйка дома, ни на мгновение не сомневаясь в своем праве указывать ему.

Затем взгляд Марьи Власьевны упал на соседей.

— Поднимайте местных, — мрачно сказала она Римме Борисовне и Сергею Петровичу. — Надо выяснить, кто такой ретивый. Мы должны предотвратить трагедию, — торжественно завершила она.

Конечно, Римма Борисовна прямо так не назвала бы установку шлагбаумов в деревне, но даже она перечить подруге в таком состоянии не решилась. Тем более, ей хорошо было известно, что пока Марья Власьевна находится в ажитации, все это будет зря. Так что они с Сергеем Петровичем предпочли просто переглянуться и кивнуть.

По лицу Марьи Власьевны было видно, что она напряженно думает.

— Дачники разъехались, жилых домов осталось от силы пять-семь. Обойти все мы сможем за день. Лидия Кирилловна бы так не поступила — она слишком стара, крайний дом на Березовой совсем новый — они еще не успели ни с кем познакомиться. Что же у нас остается?

В этот момент в воздухе повисла простенькая мелодия вальса. Марья Власьевна запнулась и нахмурилась. Римма Борисовна замахала руками, извиняясь, и начала шарить в карманах в поисках телефона.

— Мама, ну сколько тебе говорить, давай уже купим новый, современный? — невовремя вклинилась Лиза, когда Римма Борисовна выудила из кармана жилетки старенький смартфон.

Только глянув на номер, она шикнула на дочь и, отвернувшись, приложила телефон к уху.

— Да, Даниил Павлович, слушаю вас, — непривычно заискивающим тоном заговорила Римма Борисовна.

Остальные в недоумении уставились на ее спину: слышать такой голос от бойкого искусствоведа, которая не побоялась приехать в незнакомую деревню, чтобы взвалить на себя заботы о никому не нужно памятнике архитектуры, им не приходилось даже на суде, на котором этот самый памятник у нее хотели отнять.

— Что-что? Вы у дверей? Э, нет, знаете, там никого нет сейчас, но вы не переживайте, я уже скоро буду!

Она раздраженно нажала отбой и растерянно повернулась к собеседникам.

— Так и знала, что не надо было уезжать. Звонил Даниил Павлович, из комиссии по надзору за памятниками…

— Тот, который на суде чуть не отобрал у тебя Дом с башенкой? — с подозрением уточнила Марья Власьевна.

— Именно он. Сказал, привез какого-то столичного гостя показать наше хранилище. Спрашивает, скоро ли я буду.

Она беспомощно оглянулась: ей было, из-за чего волноваться. Не так давно этот самый Даниил Петрович возглавлял комиссию, которая осматривала вверенный ей Дом с башенкой как раз после пожара (произошедшего совсем не по ее, Риммы Борисовны, вине — но разве могло это заинтересовать комиссию?). Как профессиональный работник культуры, она знала, что у него были все основания относиться к ней с подозрением. И поскольку она очень хотела остаться в Неприновке и продолжить восстановление Дома, ей крайне хотелось заручиться его поддержкой.

Андрей Михайлович правильно понял смятение на ее лице.

— Если вам надо в город, моя машина стоит у магазина, — галантно предложил он.

— Спасибо, — с облегчением выдохнула Римма Борисовна. — Буду вам очень признательна.

Сергей Петрович по обыкновению поморщился — Римма Борисовна знала, что в его гараже тоже стояла готовая на подвиги «ласточка» — старый Газ-21. Но в этой ситуации она все-таки предпочла бы мощный внедорожник.

— И не забудьте, что нам надо узнать, кто тут затеял мятеж! — крикнула им в спину Марья Власьевна.

Римма Борисовна только согласно помахала рукой. Лиза вздохнула, глядя в след матери и посмотрела на Марью Власьевну.

— Не возражаете, если я еще тут посижу?

— Конечно, моя девочка, — немедленно отреагировала статная дама.

Когда Римма Борисовна и Андрей Михайлович подъехали к музею, Даниил Павлович еще стоял там. Рядом с ним топтался странного вида парень в джинсовых шортах. Голову скрывал накинутый капюшон черной толстовки, из-под которого торчала только борода. Римма Борисовна остановилась: «И из-за этого я оставила дочь, которую не видела почти полгода?», — подумала она. Но отступать уже было поздно: Даниил Петрович заметил ее, и они с гостем повернулись в ее сторону.

— А вот и наш знаток местной истории, большой эксперт и ценитель старины, — помпезно представил ее местный чиновник.

Андрею Михайловичу, маячившему за спиной Риммы Борисовны, он вежливо кивнул, но от представления воздержался.

Парень, которому на вид было лет 30-35, протянул ей руку.

— Егор, — коротко сказал он.

— Егор Михайлович, кстати, ваш новый сосед, — пропел Даниил Петрович. — Они в этом году с женой купили дом, у вас в Неприновке. На улице Березовой.

— Замечательные места, — вежливо сказал Егор.

Римма Борисовна посмотрела на него с интересом — на улице Березовой, насколько она знала, продавался только один дом, стоящий в самом ее конце. Получается, он его купил, уже даже сошелся с администрацией, а местные жители ни сном ни духом? Интересно.

— А еще Егор Михайлович большой ценитель старины. И его очень заинтересовала коллекция нашего музея. Я предложил ему ознакомиться с некоторыми редкими экспонатами, — на этих словах Даниил Петрович выразительно показал глазами на дверь.

Римма Борисовна, спохватившись, полезла за ключами.

— Собственно, я так в Неприновке и оказался, — вдруг проявил словоохотливость Егор. — Конечно, может показаться немного странным, но я коллекционирую предметы старины, в том числе, всевозможные медали и памятные знаки. И мне рассказали, что в местном музее может храниться ценнейший образец. Я как-то приезжал на выходные, музей был закрыт, зато места здесь — загляденье. Вот и решил обосноваться.

Рановато для таких подробных откровений, подумала Римма Борисовна, распахивая тяжелую скрипучую дверь.

— А кем вы работаете, Егор? — решилась поинтересоваться она.

Мужчина замялся и, неловко фыркнув, неопределенно повел рукой. Подозрительно, немедленно решила Римма Борисовна. Так они и стояли в дверях музея — замерший в почтительности Даниил Петрович, пожилая дама с недоуменно поднятой бровью, и странно хихикающий человек с бородкой.

— Егор Михайлович — криптоинвестор, — наконец, вмешался Даниил Петрович.

— Кто? — удивилась Римма Борисовна.

Егор повел в ее сторону рукой, словно иллюстрируя невысказанную мысль.

— Ну, вот, вот поэтому я стараюсь про это не распространяться, — сказал он Даниилу Петровичу, словно игнорируя пожилую женщину.

Ее лицо вспыхнуло от возмущения — что себе позволяет этот чужак? Он что, намекает, что она не в состоянии понять простых вещей?

Глаза Даниила Петровича, в планы которого точно не входил конфликт, испуганно заметались между ними.

— Считайте меня диджитал-предпринимателем, — коротко пояснил Егор и, не дожидаясь остальных, прошел в гулкий коридор.

Это же надо быть таким зазнайкой, возмущенно покачала головой Римма Борисовна. Зачем ему сдался дом в глухом конце Березовой улицы, она тем более не понимала. Куда сильнее этими новостями заинтересовался Андрей Михайлович — Римма Борисовна уже успела позабыть, что он маячил за ее спиной.

— Что вы говорите? Криптоинвестиции? А на каких биржах вы торгуете? — светски перехватил беседу он.

Егор самодовольно улыбнулся.

— На разных. Мы, знаете ли, стараемся диверсифицировать.

— Понимаю, — примирительно сказал Андрей Михайлович, то ли делая вид, что не заметил покровительственный тон, то ли действительно не замечая. — А какие у вас планы на Неприновку?

Римма Борисовна одобрительно качнула головой — вот, что оказывается делал Андрей Михайлович! Втягивал чужака в беседу, чтобы разузнать подробности.

Егор пожал плечами.

— Пока хочу построить себе дом. А потом, может быть, и туристическую мини-ферму сделаю. Вообще, Неприновку, конечно, пора облагородить.

Пожилая дама, уже подойдя к столу в директорском кабинете, внутренне сделала стойку. Даниил Петрович обернулся и бросил тревожный взгляд на Римму Борисовну — он тоже знает

Марью Власьевну и побаивается ее реакции, безошибочно определила она. И, надо сказать, поводы были — такого в Неприновке никто не ждал.

— Мы уже предложили администрации за свой счет заасфальтировать дороги и установить шлагбаумы, — продолжал Егор Михайлович. — Чтобы жители поселка могли себя чувствовать безопасно. Вообще, Неприновка чудесное место, но видно, что поселком давно никто не занимался. Я думаю, также стоит сделать большую асфальтированную парковку на въезде, для удобства автомобилистов.

Римма Борисовна, рывшаяся в столе в поисках ключей от хранилища, замерла. Так вот оно что — вот он, этот неназванный соперник! Какой-то странный выскочка, едва приехавший в Неприновку. Она покосилась на Андрея Михайловича — надо отдать должное, он и бровью не повел, хотя Римма Борисовна видела, как интерес блеснул в его глазах.

— О, амбициозно. Видимо, у вас большие планы?

— Очень, — без промедления согласился Егор. — Вообще я считаю, что большие города изжили себя и скоро жизнь переместится в такие уютные уголки. Разумеется, хочется, чтобы это не было в ущерб комфорту — но для этого надо брать дело в свои руки.

«Да кто тебе это даст, прямо в руки», — проворчала про себя Римма Борисовна, пользуясь тем, что на нее, склонившуюся над ящиком, никто и не смотрел. Да где же эти ключи, когда они так нужны! Краем глаза она заметила, что Даниил Павлович уже начинает нервничать и косится на нее с подозрением. В отчаянии, она сунула руку вглубь ящика и, наконец, нащупала холодный металл. Ну слава Богу! И как вообще они там оказались? Всегда ведь лежали в верхней части, так, чтобы удобнее было достать. Видимо, она случайно задвинула их глубже, когда разбиралась в ящиках. Победоносно подняв над собой маленькую связку, совсем не похожую на ключ от тайного хранилища, она пригласила Даниила Павловича следовать за собой – а со своим гостем пусть уж он сам разбирается.

Хранилище находилось в тесном коридоре, прямо по соседству с кабинетом директора. В маленькой проржавевшей двери, наскоро закрашенной казенной зеленоватой краской, сложно было заподозрить проход к сокровищнице. Ключ повернулся и она толкнула дверь от себя, приглашая остальных войти.

Гости неуверенно замерли на пороге. Что они стоят? Римма Борисовна уставилась на них недоуменно. Андрей Михайлович, все это время остававшийся позади нее, протянул руку и нащупал справа от двери выключатель. Точно, свет! Щелкнула кнопка, и помещение залил тусклый свет одинокой лампы.

Сразу после этого Даниил Павлович шумно выдохнул, и попятился назад, наступив попутно на ногу Римме Борисовне. Та недовольно отдернула ступню в кожаном ботинке. Следом за ним в полной тишине отступил и Егор. Ну что там еще, что может быть за давка, подумала она, и выглянула из-за их спин.

Прямо в центре хранилища, среди старых стеллажей, забитых ценными и не слишком артефактами, лежало тело в голубом халате.

Глава 3 Медаль общества собаководов

Снаружи неуверенно прохрипела и замолкла старенькая сирена полицейского «уазика». Тяжелая металлическая дверь музея стукнула, и в коридоре послышались шаги. Никто из всех четверых, собравшихся в кабинете директора, не пошевелился. Впрочем, полицейские, кажется, сами догадались, где их искать. Скоро дверь распахнулась, и в ней возникло румяное молодое лицо. Взгляд полицейского упал на сидящую за столом Римму Борисовну.

— Вы? — с недоверием уставился он на нее

Его можно было понять — не так давно несчастный молодой парень был вынужден столкнуться с рекордным за всю историю количеством происшествий на квадратный метр деревни Неприновка. Причем все эти происшествия были так или иначе связаны с Риммой Борисовной. Но как он, их участковый, оказался сейчас в райцентре? Она смутно припоминала, что молодого человека, поражавшего своей румяной и чистой наружностью звали, как и подобает, Иваном.

— Как вы сюда попали? — вместо ответа выдавила из себя она.

— Меня повысили, — приосанился он, входя в дверь. — После того, как нашли похищенных детей. Я теперь в городе работаю.

Римма Борисовна и Андрей Михайлович, которые не понаслышке были знакомы с этой историей, переглянулись — вот это судьба у парня! Оказался втянутым в такую передрягу, едва став участковым, а теперь, вот, повышение — и сразу снова к ним в руки.

Даниил Павлович и Егор разделить их недоумение не могли, поскольку к тем событиям решительно никакого отношения не имели. Но новости Егора встревожили до крайности.

— Послушайте, — завозился Егор и строго уставился на Даниила Павловича. — У вас что, тут похищают детей?

Тот немедленно замахал руками.

— Ни в коем случае! Это была неудачная шутка, все дети были сразу найдены. Ну, подтвердите ведь, — на бывшего участкового он посмотрел с плохо скрываемой мольбой.

Иван с сомнением кивнул. «Ого, — подумала Римма Борисовна. — У администрации на этого Егора, видимо, большие планы. Сильно же они перед ним пресмыкаются».

— Давайте все-таки перейдем к делу, — нервно сказал Иван, который все отчетливее понимал, что вновь вляпался в какую-то непонятную историю с этой странной москвичкой.

— Конечно, — любезно кивнула Римма Борисовна, которой меньше всего хотелось при Егоре углубляться в прошедшие события.

Впрочем, и текущие были не лучше — а возможно, даже хуже. Когда первая паника прошла, Андрей Михайлович зашел в хранилище и подошел к женщине в синем халате, ничком лежавшей в самом центре на полу. Это была их смотрительница, Анна Павловна. И, безо всякого сомнения, она была мертва.

— Значит, Даниил Павлович вызвал меня в музей, чтобы показать хранилище важному гостю, — начала Римма Борисовна, показав рукой на Егора.

— Ну почему же сразу вызвал, — испуганно вскинулся Даниил Павлович, — просто любезно попросил подъехать.

— Где вы находились в это время? — сурово спросил участковый, переводя на нее взгляд.

Римма Борисовна заколебалась — вот угораздило ведь ее поддаться на уговоры Марьи Власьевны и уехать с работы раньше! Теперь придется признаваться перед всем честным народом.

— В какое? — глупо спросила она, в надежде потянуть время.

— Когда Даниил Павлович вам позвонил, — терпеливо сказал полицейский.

— В 17:50, — сразу услужливо вставил тот.

Римма Борисовна поморщилась: ее рабочий день был до шести.

— К Римме Борисовне приехала дочь, — неожиданно подал голос Андрей Михайлович. — Ее нужно было отвезти в Неприновку, поскольку она совершенно не ориентируется здесь. Я вызвался помочь, но попросил Римму Борисовну поехать с нами, ведь я не знал, где расположен ее дом. Когда вы позвонили, я уже вез ее обратно.

Пожилая дама с облегчением выдохнула и благодарно посмотрела на него.

— Да, — решительно кивнула она. — Да, все так и было.

Участковый, удовлетворившись этим объяснением, кивнул.

— И дальше что?

— Дальше мы открыли музей и направились к хранилищу, — послушно продолжила Римма Борисовна.

— Где вы взяли ключи? — отрывисто спросил полицейский, и она с удивлением уставилась на него.

— Привезла с собой.

— Еще у кого-то они были?

— У Анны Павловны, — упавшим голосом проговорила Римма Борисовна.

На этом моменте все опустили глаза.

— Кто нашел тело? — строго спросил Иван.

Римма Борисовна слабеющей рукой показала на Даниила Петровича, испытав при этом огромное облегчение.

Тот тревожно сглотнул, взгляд его заметался.

— Я хотел показать Егору Михайловичу ценный экспонат. Римма Борисовна открыла для нас дверь хранилища. И… там было тело.

— Где обычно находятся ключи от хранилища? — повернулся Иван обратно к ней.

«Да что ж такое, почему все время я», — раздраженно подумала Римма Борисовна.

— Тут, — она приоткрыла ящик стола, и Иван бдительно туда заглянул.

— Комплект один?

Римма Борисовна развела руками, показывая пустынные помещения.

— Да, у нас не то чтобы очень много сотрудников. Когда я пришла сюда работать, ключи хранились здесь. И продолжили храниться при мне.

Иван подумал, словно пытаясь вспомнить другие вопросы, которые подобает задать в этой ситуации.

— Вы заметили что-то подозрительное или необычное, сегодня или в другие дни?

Римма Борисовна покачала головой — и это было чистой воды правдой. В жизни краеведческого музея маленького города в нетуристический сезон действительно сложно найти что-то необычное.

— К вам приехала дочь, — услужливо подсказал Даниил Павлович.

Римма Борисовна зыркнула на него недовольно. Но Иван, к счастью, не счел это обстоятельство достойным внимания.

— Другого рода, — подумав, сказал полицейский. — Может быть, появлялись посторонние, что-то пропадало.

Ничего такого даже близко.

— Анна Павловна жаловалась на угрозы? — наседал полицейский.

Андрей Михайлович кашлянул, пытаясь замаскировать смешок — конечно, обстоятельства не располагали, но представить, что скромная пожилая женщина могла стать мишенью шантажиста или злоумышленника было сложно.

И Римма Борисовна вновь упрямо покачала головой. Она бы и хотела помочь ему, но ей было нечего сказать.

— Как она умерла? — вместо этого спросила она.

Иван нахмурился и строго захлопнул папку.

— Это служебная информация. Все, что необходимо, мы вам сообщим.

— Они еще не знают, — негромко пояснил ей Андрей Михайлович. — Тело еще осматривают.

В тишине кабинета слова прозвучали неестественно громко. Иван обиженно зыркнул на него.

— Прошу всех оставаться на своих местах и не покидать помещение, — сурово подытожил он.

Полицейский вышел, и в кабинете вновь установилась тишина. Римма Борисовна сурово посмотрела на Даниила Петровича и Егора. Она понимала, что неправа, но никак не могла отделаться от мысли, что если бы не их каприз, ничего бы не случилось.

Ситуацию вновь (в который раз, благодарно подумала Римма Борисовна) спас Андрей Михайлович. Он потянулся, и, сохраняя полное спокойствие, повернулся к ней.

— Что ж, похоже мы тут останемся еще на некоторое время. Римма Борисовна, есть ли в этом храме культуры немного чая, или, быть может, даже кофе?

Римма Борисовна кивнула и засуетилась возле набора старых слегка битых чашек. Что ж, решила она, гости явились сюда сами, так что на сегодня Егору придется смириться с отсутствием дорогих сервизов.

— А что это вообще за ценнейший образец, о котором вы сказали? — без особого азарта поинтересовалась она. Нужно же было поддержать хоть какой-то разговор.

— О, — Егор оживился. — Это долгая история. Дело в том, что я интересуюсь старинными медалями — не спрашивайте, как так получилось, видимо, передается по наследству.

Римма Борисовна и не планировала спрашивать — ей-то какое дело, — но из вежливости все-таки кивнула.

— Медали — в смысле ордена? — решил уточнить Андрей Михайлович.

— Нет, — вежливо пояснил Егор, явно торопясь вернуться к интересной ему теме. — Медали в смысле памятные знаки. Их было много разных, но меня интересуют довольно специфические. Видите ли, в XIX столетии отдельным направлением были медали охотничьих сообществ и собаководов. Их получали помещики, дворяне, добивавшиеся выдающихся успехов в этом направлении. В зависимости от серьезности достижений, медали могли быть сделаны из бронзы, серебра, иногда золота. Все, конечно, красиво оформленные.

— Весьма экзотично, — заметила Римма Борисовна.

Егор кивнул, и на его лице впервые появилось теплое человеческое выражение.

— Мы собачники. Причем потомственные — мой прадед был известным заводчиком. У него тоже были дореволюционные награды, но их пришлось продать в голодные послевоенные годы. Видимо, так мы… компенсируем.

Римма Борисовна, много лет проработавшая в сфере искусства, безошибочно узнала этот тип коллекционера — не было никаких сомнений в том, что обычно немногословный и заносчивый Егор на эту тему мог говорить до бесконечности. Она оглянулась — Андрей Михайлович слушал с вежливым интересом. Даниил Петрович все это время ритмично кивал головой в такт его речи — ну точно болванчик. На них надежды никакой.

— Но как вы узнали про наш музей? — вклинилась Римма Борисовна, поняв, что про свои драгоценные книги Егор готов разговаривать бесконечно.

— В конце XIX века некоторые из известных сегодня охотничьих пород в России были только привозными. Русские охотники и собаководы работали над тем, чтобы селекция стала возможна и внутри страны. Это касалось, например, поинтеров. Так вот, в одном из каталогов я наткнулся на необычный факт. Медаль Российского общества собаководов вручалась практически ежегодно. Но лишь один раз за все время ее отлили из платины — владельцу пойнтера

высочайшего класса, который положил начало первой в империи рабочей линии этих собак. Его владельцем был помещик по фамилии Синицын.

Римма Борисовна моргнула. Она вспомнила странные предметы в каталоге — охотничьи рожки, колокольчики, гравюры с изображением собак. Так вот, откуда это все.

Егор ненадолго прервался, чтобы отпить чая, но все присутствующие завороженно наблюдали за ним, не сводя глаз.

— На самом деле, — сказал он. — Это скорее красивая легенда. Однозначных подтверждений нет. Большая часть архивов общества погибла в революцию, об этой необычной медали я узнал, случайно наткнувшись на воспоминания одного из других участников общества: якобы, высочайшим повелением императора она была изготовлена придворным ювелиром из платины и украшена дюжиной бриллиантов — в награду талантливому помещику. И хотя никаких подтверждений этому нет, я задался целью хотя бы попробовать ее найти.

«Поэтому вы не нашли ничего лучше, чем подождать конца рабочего дня осенним вечером вторника, чтобы немедленно решить ее посмотреть», — ворчливо подумала про себя Римма Борисовна.

— Известно, что накануне революции у Бориса Михайловича Синицына дела шли не очень хорошо, — деликатно сформулировал Егор. — Но насколько я могу судить, от медали он тогда так и не избавился. После революции она тоже нигде не всплывала. Вот я и понадеялся, вдруг она чудом сохранилась здесь.

Не исключено, подумала Римма Борисовна. Но тебе,чужаку, эта драгоценность не достанется, даже не надейся.

— К сожалению, почти все лето я по рабочим вопросам был в Москве, так что приехать в Неприновку лично удалось только осенью. Сегодня я был по бумажным делам в администрации и очень удачно встретил Даниила Петровича, который любезно предложил показать мне хранилище музея, — улыбнулся Егор.

Даниил Петрович на его словах просиял, словно его почтил своим вниманием император. Римма Борисовна напряженно думала. В другое время она бы восхитилась насмотренностью нового соседа и порадовалась компании человека со столь утонченным вкусом. Но сейчас она представляла интересы своей подруги, Марьи Власьевны. А для нее Егор был конкурентом, причем, судя по поведению председателя комиссии, весьма опасным. Поэтому она не могла справиться с внутренней антипатией.

— Вы серьезно думаете, что в музее где-то могла затеряться платиновая медаль? — поинтересовалась она, одновременно понимая — да, если по-честному, конечно же могла.

Егор ничего не ответил, лишь кивнул под завороженным взглядом Даниила Петровича.

— И что будет, если выяснится, что эта медаль действительно в музее? — осторожно поинтересовалась она.

— Я буду просто счастлив, — расплылся в улыбке Егор. И, не успела она подумать, что может быть зря относится к нему так настороженно, как он добавил. — И конечно, ее нужно будет срочно перевезти в Москву.

— Позвольте! — вскинулся на этот раз Даниил Петрович. — Но это же местное достояние, как же местная история, как развитие туризма?

— Ну вы же понимаете, — снисходительно сказал Егор, осмотревшись вокруг. — Что такое… место не подходит для истинной легенды? Нет, конечно, местные жители тоже заслужили право полюбоваться на нее. Но мне кажется, копии будет вполне достаточно.

Даниил Петрович задохнулся от возмущения, и Римма Борисовна злорадно за ним наблюдала — что, доигрался со своими заискиваниями?

— А знаете, — вдруг сказала она. — Это ведь легко проверить. Ну, есть у нас эта медаль или нет. Я как раз сегодня изучала старые описи. Мы можем посмотреть, что именно указывалось в числе имущества Синицыных.

Она пошарила на столе в поисках нужной папки, наслаждаясь неподдельным ужасом на лице Даниила Павловича — ну что ж, а кто первый привел в музей этого сноба на охоту за ценным артефактов? Кроме того, ей очень хотелось отвлечься от тревожных звуков, доносившихся снаружи — судя по всему, там грузили на носилки тело, и раздраженно переговаривались сотрудники.

— Вот, — она протянула Егору папку. — Пожалуйста, изучайте.

Егор орлиной хваткой вцепился в папку и начал перелистывать страницы. Даниил Петрович смотрел на нее с ненавистью, Андрей Михайлович с интересом. Тишину кабинета нарушал только жадный шорох страниц.

— Есть! — вдруг вскрикнул Егор и ткнул рукой в строчку отпечатанного на машинке списка. — Вот же она, есть!

Все замерли. Римма Борисовна перегнулась через стол и, на правах хозяйки, первой прочитала прыгавшую машинописную строчку.

— Медаль общества собаководов в футляре, 1896 год. Стеллаж — Б-5/11, — говорилось там. — Материал — не установлен.

Глава 4 Привет из прошлого

Римма Борисовна очень хотела пообщаться с дочерью, но смерть Анны Павловны и появление малоприятного Егора выбили привычный ритм из колеи. Казалось бы, музей закрыли и опечатали, на работу ей в ближайшее время ходить не нужно, так что времени стало больше. Но не успела она вздохнуть с облегчением, как пришли неожиданные новости о причине смерти бедной хранительницы. Чтобы тщательно осмыслить их, она удалялась из дома в стоящий на углу участка сарай — там ждала ее коза Буся, которую Римма Борисовна приютила после гибели прежней хозяйки. Несколько месяцев прошло, и вот, пожалуйста, опять та же история, вздыхала она, устраиваясь поудобнее.

Чистенькая белая коза, чувствуя настроение хозяйки, волновалась и беспокойно тыкалась носом ей в ладонь.

— Ты представляешь, выяснилось, что женщина умерла от нехватки кислорода. Кто-то просто закрыл ее в хранилище! — причитала козе Римма Борисовна. — Даже подумать страшно. А что, если это вовсе была я? Ну, не заметила старушку, прошла мимо, прикрыла дверь на автомате. Боже, Боже.

Пожилая дама закрыла лицо руками. Снова и снова перебирала в памяти последние несколько дней, чтобы убедиться, что это не могла быть она сама. Вдруг она случайно захлопнула открытую дверь и этим подписала смертный приговор бедняжке? От этого у нее холодели руки и моментально начинало расти давление — помогало только теплое дыхание Буси, печально клавшей голову ей на колени в поисках внимания.

Кажется, бывший участковый Иван был не против рассмотреть версию о виновности Риммы Борисовны, но ее вскоре пришлось вычеркнуть. Выяснилось, что хранительница приходила в музей только по вечерам, на почте, где она работала в первую смену, подтвердили, что видели погибшую днем, так что выходило, что с Риммой Борисовной она почти не пересекалась.

Еще больше Римму Борисовну интересовало другое — почему погибшая не кричала? Не могло ведь случиться так, что она не услышала мольбы о помощи?

Впрочем, нашлось и еще кое-что, что довольно быстро оторвало Римму Борисовну от печальных дум. Спустя несколько дней правоохранители пригласили Римму Борисовну и представителей администрации осмотреть музей, дабы окончательно убедиться в том, что убийство не было связано с ограблением, и ни в залах, ни в хранилищах ничего не пропало. Даниил Петрович, упорству которого можно только позавидовать, настоял на том, чтобы пригласить на эту встречу Егора и даже согласовал его визит с полицией.

Пожилая дама отнеслась к этой идее со скепсисом, а взглянув на Егора, прибывшего в музей в день осмотра, убедилась в том, что чутье ее не подвело. Новосел выглядел мрачно и на здание музея смотрел с плохо скрываемым ужасом. Римма Борисовна даже решила, что воспоминания о пугающей находке пересилят любопытство, и он откажется от визита. Но судя по всему, увидеть медаль Егор действительно хотел, потому что вошел в здание вместе со всей представительной делегацией.

Начали с того, что Римма Борисовна вместе с Даниилом Петровичем и незнакомыми ей сотрудниками администрации внимательно осмотрела залы и ответственно подтвердила, что из них ничего не пропало — даже пионерский галстук местного партизана висел на своем почетном месте в стеклянной витрине. Даниил Петрович, несмотря на очевидное нежелание, вынужден был с ней согласиться.

Однако самое интересное началось в хранилище. Не без сомнения переступив порог полутемного помещения, Римма Борисовна начала осмотр, руководствуясь собственной памя-

тью и описями, с которыми успела ознакомиться. Дойдя до сейфа с самыми ценными экспонатами. Римма Борисовна порылась в висящих на общем брелоке ключах и, найдя нужный, отперла старенький сейф.

Даниил Петрович уверенно потянулся внутрь. Глядя на то, какими привычными кажутся его движения, Римма Борисовна задумалась, как часто он это делал раньше, и не метил ли тайком на директорское место до ее появления — если да, это объясняет его очевидно предвзятое отношение к ней. Тем временем он пошарил рукой в глубине и бережно вытащил прямоугольный сверток в тонкой папиросной бумаге. Тщательно сверил номер на бирке со своими записями и торжественно передал экспонат Егору.

Тот водрузил добычу на покрытый истертым сукном стол, отогнул уголки тонкой бумаги и ахнул.

— Но это не медаль!

Тихо переговаривавшиеся участники процессии разом замолчали. Даниил Павлович стал похож на встревоженного чихуахуа.

— Как не медаль?

Сам растерянный, Егор пригласиол его к столу. Заглянув мужчинам через плечо, Римма Борисовна неприлично громко ахнула — звук гулко разнесся по хранилищу, и все взгляды остановились на ней.

— Простите, — неловко сказала она, не сводя взгляда со стола.

Ей было, от чего потерять самообладание — вместо строгого футляра с редкой платиновой медалью на развороте тонкой пергаментной бумаги лежала «Тайна старой часовни» — первая книга ее мужа, Адриана Валентиновича Романовского, известного писателя, на заре карьеры успевшего поработать в Неприновке сельским учителем.

Пока Даниил Павлович и Римма Борисовна потрясенно (он — от ощущения потери, она — от ужаса от встречи с прошлым) смотрели на коленкоровый томик, Егор еще надеялся обрести искомое.

— У вас есть другие подобные медали? Могла произойти путаница.

Римма Борисовна с сомнением затрясла головой, отчаянно пытаясь сообразить, могла ли она что-то пропустить в описях. Но Даниил Павлович, придя в себя, ответил за нее.

— Нет. В коллекции Синицыных не было медалей.

Иван, стоявший на почтительном отдалении, вежливо откашлялся.

— Можем зафиксировать кражу?

При этом он с некоторым отчаянием глянул на Римму Борисовну. В глазах его читался немой вопрос: «Почему всегда вы?». Что ж, Римма Борисовна могла бы ему ответить, что задается ровно тем же вопросом: «Почему это все время происходит со мной?». Но вряд ли это бы сильно его утешило.

— Видимо, да, — выдавила из себя она.

Белый, как полотно, Даниил Павлович, кивнул. Кажется, это было первое ее решение, с которым он согласился, не раздумывая.

После этого события, конечно, жизнь перевернулась вверх дном. Римма Борисовна вместе с Даниилом Павловичем сутками пропадали в музее, один за другим сверяя имеющиеся артефакты с существующими описями. Предполагалось, что вдвоем они справятся быстрее, но Римма Борисовна предпочла бы работать еще больше, зато без компании председателя городской комиссии по надзору за памятниками. Судя по его унылому выражению лица, он придерживался аналогичного мнения. К счастью, такое редкое единодушие сыграло им на руку — вынужденные напарники просто разделили залы между собой и старались особенно не попадаться друг другу на глаза.

Одна из сотрудниц администрации, заглянув к ним за какой-то подписью Даниила Петровича, подтвердила догадки Риммы Борисовны. Присев выпить чаю со временной хозяйкой

кабинета, она задумчиво оглянулась — в кабинете, и без того обычно заваленном бумагами, на фоне большой и экстренной инвентаризации и вовсе негде было повернуться.

— Бедненько тут у вас, — изрекла затянутая в плотный шерстяной костюм чиновница. — А я всегда говорила Даниилу Петровичу — не его это дело, не за чем ему сюда рваться.

— Рваться? — заинтересовалась Римма Борисовна. — Странно, а он нам ничего такого не рассказывал.

Собеседница с опаской потянула горячий чай из старой сколотой чашки.

— А чего рассказывать? Он как институт закончил, к нам работать приехал и сразу в музей попал. Он ведь искусствовед. Начинал при старом директоре еще, Матвее Генриховиче. Тот его себе в преемники готовил.

— А потом что? — жадно спросила Римма Борисовна. Не зря же она, в самом деле, заманивала в кабинет эту скучную женщину.

— А что потом? Потом перестройка, музей на время закрывали. Вот он и пошел к нам, в администрацию по культурной части. Думал на время, а оказалось — вон, как.

В принципе, на этом разговор можно было заканчивать. Римма Борисовна собрала достаточно информации, чтобы понимать, что друзьями им с Даниилом Петровичем не быть. Но выгнать гостью на половине чашки было бы по меньшей степени невежливо, а тем более — недальновидно. Так что дальше ей пришлось еще около двадцати минут слушать о трудностях работы в администрации, и о неблагодарных жителях, которые считают, что сотрудники там баклуши бьют.

Напоследок, когда чай был выпит, а печенье съедено, Римма Борисовна все-таки решила спросить.

— Отчего же его сейчас директором не назначили? И как вообще оказалось, что музей остался без директора?

Собеседница развела руками.

— А как будто мы знаем. Но, может, еще назначат, — многозначительно сказала она и засобиралась по своим делам.

Римма Борисовна осталась в кабинете в одиночестве. Получается, Даниил Петрович работал здесь с юности, любил этот музей и, наверное, метил в директорское кресло. Но что-то поломалось в этой схеме, и вместо него сюда пришла она, Римма Борисовна. Пусть и простым старшим научным сотрудником, но все равно, неприятно. При таком раскладе ей сложно было винить его за то, что он относится к ней без энтузиазма. А все-таки интересно, почему его, такого опытного и заслуженного в городе человека обошли этим назначением?

Впрочем, вне зависимости от причин, ей стало его жаль — их отношения могли оставлять лучшего, но она должна была отдать должное: Даниил Петрович своему делу был предан беззаветно, жил культурой и искусством, а экспонаты музея, увы, знал куда лучше нее.

Направляемая острым приступом жалости, она решительно поднялась, намереваясь отправиться к нему и выразить свое уважение, а также готовность немедленно попросить об отставке из музея для того, чтобы освободить законно принадлежавшее ему место. Но тут на пороге кабинета вырос он сам. Сухое лицо его было искажено праведным (а может и не очень) гневом, и Римма Борисовна поняла, что с каждым мгновением ей все труднее вспомнить, почему же она всего несколько мгновений назад пылала к нему такой сильной дружеской симпатией.

— Вот! — сказал он, гневно потрясая в ее сторону кипой листков. — Вот, полюбуйтесь, что значит халатное отношение к делу. И надо сказать, в вашем случае я это наблюдаю не первый раз.

— Послушайте, Даниил Петрович, давайте успокоимся. Я пока даже не понимаю, о чем вы говорите, — попыталась воззвать к голосу разума Римма Борисовна, но тщетно.

— Ценнейшие артефакты, — продолжал ее собеседник, перебирая листы дрожащими руками. — Ценнейшие артефакты брошены на произвол судьбы. И каков итог? Совершенно ожидаем! Первая в городе брошюра ленинского комсомола! Как вы могли с ней поступить? Это немыслимо, это просто подсудное дело!

Римма Борисовна тщетно пыталась вклиниться в этот поток мыслей, чтобы понять, что же именно произошло. И наконец, ее терпение лопнуло.

— Прекратить истерику! — рявкнула она, удивив даже себя.

Даниил Павлович, шокированный таким обращением, замолчал, хватая ртом воздух. Римма Борисовна решила использовать этот момент, чтобы, наконец, перейти к диалогу. Она коротким движением подвинула к нему стул.

— Садитесь. Рассказывайте, что произошло.

Старичок, еще не до конца придя в себя, аккуратно присел на краешек стула. Принесенную с собой кипу бумаг он бережно разместил на коленках.

— Вот пожалуйста, — начал он, переворачивая бумаги. — Я сверял наличие экспонатов в своих залах, и обнаружил, что в описях совершенно нарушен порядок. В результате артефакты ранней советской эпохи числятся на месте дореволюционных или даже современных. Из-за этого что-либо найти совершенно невозможно. Во-первых, из-за этого велик риск утраты. Во-вторых — это же вопиющее неуважение к культурным ценностям, как вы вообще могли такое допустить?

Римма Борисовна глубоко вздохнула, пытаясь сосчитать до пяти и успокоиться. Выходило только до трех — после этого в голову сразу начинали лезть все слова, которые ей хотелось высказать этому паникеру.

— Даниил Павлович, послушайте, — наконец, по возможности вкрадчиво, начала она. — Вы же знаете, что я пришла в музей всего несколько месяцев назад? Вероятно, эта досадная оплошность была допущена за много лет до моего прихода.

Строгий критик задумчиво жевал губами.

— Давайте сюда эти бумаги. Я их внимательно изучу, и мы вместе с вами наведем порядок, идет? — Она аккуратно протянула к нему руку, стараясь не спугнуть.

Он с сомнением разжал пальцы, крепко сжимавшие листы, и она смогла вытянуть их из его ладони.

— Все равно это халатность. Не знаю, как вы могли существовать в таком бардаке, — проворчал он.

Римма Борисовна решила проглотить оскорбление.

— Зато я очень рада, что вы обнаружили этот недочет. Вы оказали неоценимую помощь и мне, и, я уверена, музею! Не кажется ли вам, что на сегодня с вас работы хватит? Теперь я внимательно изучу ваши находки, а вы завтра сможете помочь мне со следующи залом. Как вам такая идея?

Даниил Павлович бросил взгляд на часы. Потом драматично взялся рукой за сердце.

— У меня еще есть полчаса рабочего времени, но если вы так настаиваете, пожалуй, да, в моем возрасте вреден такой стресс. Пожалуй, я оставлю вас.

— Разумеется, — возликовала Римма Борисовна. — Вы проделали гигантскую работу, вам нужно отдохнуть.

Оставшись одна, она в задумчивости переворачивала истертые от времени листы. Выходило и правда удивительно. Из документов следовало, что в изученных ею только что залах находилась коллекция изъятых у Мерцалова ценностей. В том числе, старинный фарфор и даже, вроде бы, изделия Фаберже. Между тем, ничего подобного она там не обнаружила — в третьем зале хранились результаты изысканий школьников-поисковиков.

Римма Борисовна прошла в хранилище, не без опаски обойдя место, где нашли бедную уборщицу — что, если напоминания о буржуазных временах решили просто убрать с глаз долой? Но и там ничего похожего на указанные экспонаты она не обнаружила.

Перерыв половину стеллажей, Римма Борисовна в растерянности опустилась на стоявший у двери стул. Выходило, что существенная — и самая ценная — часть коллекции местного музея исчезла безвозвратно. Но как и почему это произошло?

Глава 5 Предвыборная кампания

На следующий день Даниил Петрович позвонил ей сообщить, что на фоне стресса у него разыгралось давление, поэтому в музей он не придет. Римма Борисовна посочувствовала ему как могла, но в глубине души возрадовалась — меньше всего ей хотелось, чтобы он пришел и сходу решил начать разбираться в произошедшем. Отвечать на его расспросы, тем более учитывая, что он человек предвзятый, она была пока не готова.

Сама она тоже решила остаться дома — Римма Борисовна чувствовала, что заслужила хоть немного отдыха после бесконечных сверок описей и документов. А интуиция подсказывала ей, что впереди предстоит еще много пренеприятнейших открытий, для которых требуется подкопить немного сил.

Тем более, Марья Власьевна назначила на сегодня заседание своего оперативного предвыборного штаба, которое Римма Борисовна очень не хотела пропускать: ей не терпелось обсудить с подругой нового жителя Неприновки, Егора.

С наслаждением потянувшись и не торопясь поднявшись, она отправилась искать дочь, но той дома не было — видимо, уже усвистела куда-то по делам. Римма Борисовна попробовала набрать дочери, но телефон был занят. Она была рада, что Лиза так быстро стала осваиваться в Неприновке и не обиделась на мать за то, что та не могла проводить с ней много времени. Что ж, Римма Борисовна надеялась, что сегодня, после того, как она сходит к Марье Власьевне, у нее еще будет шанс наверстать упущенное время и прогуляться вместе с дочкой.

Со вкусом позавтракав, она налила себе кофе и вышла на крыльцо — традицию пить здесь кофе, любуясь на старый яблоневый сад, простиравшееся за ним озеро и стоявший на той стороне Дом с башенкой, который ей еще предстояло восстановить, она завела летом. После пожара в старинном особняке она едва не сдалась и не отказалась от этой привычки. Но сейчас, когда ей даже с крыльца виден был кокон из лесов, окутывающих здание и суетящиеся вокруг рабочие, этот вид вновь вселял в нее надежду. Хотелось верить, что рано или поздно работы завершатся, и она сможет позабыть про несчастливый музей, полностью сосредоточившись на своих владениях.

Заглянув к Бусе — та встретила ее жизнерадостным блеянием, — и залпом допив кофе, Римма Борисовна заперла дверь, по традиции спрятав ключ под половик — чужие в Неприновке ходили редко, зато дочь, если вернется из города, легко войдет, — и отправилась к Марье Власьевне на военный совет.

Однако когда она толкнула калитку и вошла на знакомый участок, там ее ждал сюрприз — за столом вместе с хозяйкой уже сидела Лизавета. Вдвоем они оживленно обсуждали что-то, глядя в Лизин ноутбук. Едва Римма Борисовна прошла на участок, дочка подскочила.

— Мама, ну наконец-то! Сколько тебя можно ждать? Смотри, что мы тут придумали, — воскликнула она.

— А что это вы тут делаете, девочки? — Римма Борисовна подошла поближе, чтобы понять, что же могло объединить двух таких разных по ее мнению людей.

— Ну у тебя не дочь, а золото! — необычно восторженно приветствовала подругу Марья Власьевна.

Римма Борисовна пригляделась — на экране ноутбука была открыта страница соцсетей.

— Она рассказала мне, что можно провести агитацию онлайн, — взволнованно рассказывала Марья Власьевна. — И сейчас мы сделаем… Что сделаем? — повернулась она к Лизавете.

— Сообщество, — подсказала та. — Мы организуем сообщество для тех, кто ценит старую Неприновку. И там найдем нам избирателей.

Римма Борисовна все это время боролась с ощущением, что в привычной картинке чего-то не хватает. И наконец, поняла.

— Слушайте, а где Сергей Петрович?

— У него сегодня какой-то важный футбольный матч, — обиженно отмахнулась Марья Власьевна. — Но ему же хуже. Ты посмотри, что здесь творится!

Дочка ловко переключила какие-то окна на компьютере, и на мониторе появилась яркая картинка — старая дорога и пляж Неприновки, отделенные от всего мира шлагбаумом, за которым потерянно топтался смешной человечек в толстовке. Судя по всему, это был Егор и, по замыслу автора, ему в Неприновку хода не было. Это подтверждала размашистая красная надпись, сделанная сверху: «Руки прочь от Неприновки».

Римма Борисовна представила себе тихого, но решительного Егора и подумала, что противостояние планировалось серьезное.

— Очень интересно, — вместо этого сказала она вслух: все-таки пугать Марью Власьевну раньше времени ей не хотелось.

— Мы в нашей группе проведем несколько розыгрышей, победители получат садовый инвентарь, например, хорошие совочки, и даже кресло-гамак, сейчас очень модно, — тараторила Лизавета, оседлавшая любимого конька.

Она повернула к матери картинку, с плетеным подвесным креслом, больше напоминающим птичье гнездо.

— Пятнадцать тысяч! — ужаснулась Римма Борисовна, мельком увидевшая стоимость. — А где вы возьмете эти деньги?

Опасаясь дальнейших потрясений, она взглядом нашла стул и от греха подальше села.

Марья Власьевна на упоминании о деньгах тревожно вздохнула — судя по всему, это был еще не решенный для них вопрос.

— Нет, конечно, я могу мужа спросить, — задумчиво начала она.

Но у Лизы были на это другие планы.

— Не надо никого спрашивать! — решительно рубанула она рукой воздух. — Нам нужен спонсор.

Пожилые дамы недоуменно уставились на нее: еще никогда выборы председателя не проходили в Неприновке с таким масштабом. Но кто, по мнению Лизаветы, мог захотеть за это заплатить?

— Кто-то, кто оплатит нам кампанию, — нетерпеливо пояснила она, думая, что у подруг вызвала трудности сама концепция спонсорства.

— Да, но где мы его найдем? — выдавила из себя Римма Борисовна.

— Искать не надо, — проявила милосердие Лизавета. — Я уже все для вас нашла, пожалуйста.

Она показала рукой на дорогу, где парковался рядом с участком красивый белый джип. Андрей Михайлович, ну конечно. Римма Борисовна тяжело вздохнула — Сергей Петрович будет раздавлен. Зря, очень зря он предпочел футбол собранию — теперь, ко всему прочему, у него не будет оправданий.

— Ну? — как всегда жизнерадостно произнес Андрей Михайлович, подходя к ним. — Кому тут потребовалась моя помощь?

То есть он еще и не знал, что его пригласили сюда скинуться деньгами? Римма Борисовна в отчаянии закрыла лицо руками — выходила сущая неловкость.

Андрей Михайлович тем временем выбрал себе стул, выставил его в самый центр беседки и с комфортом на нем уселся.

— Слушаю внимательно, — сказал он выжидательно.

Римма Борисовна и Марья Власьевна растерянно переглянулись — конечно, за последние месяцы им удалось установить вполне дружеские отношения с владельцем соседнего отеля.

Но просить у него денег — до такого они еще не доходили. Впрочем, их колебания были совершенно чужды Лизавете.

— Мы хотим предложить вам очень выгодную сделку, — без предисловий заявил она.

Андрей Михайлович с интересом поднял брови, услышав ее бескомпромиссный тон.

— Что ж, это еще интереснее. В таком случае, слушаю даже более внимательно, — учтиво сказал он.

— Мы предлагаем вам стать спонсором предвыборной кампании Марьи Власьевны, — гордо сообщила Лизавета.

Брови Андрея Михайловича взлетели вверх, и он с интересом посмотрел на притихших дам.

— И во сколько это обойдется?

Лиза коротко взглянула на экран монитора.

— Примерно 20 тысяч рублей. А вот обмен вы получите упоминание себя в нашем сообществе. Можем даже согласовать специальные тарифы для участников сообщества. Или реферальную программу, — увлеченно перечисляла дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.